

DOI 10.15393/j9.art.2019.6622

УДК 821.161.1.09“18”

Владимир Алексеевич Мескин*(Москва, Российская Федерация)*

vameskin@yandex.ru

Пространство и время в философии и поэзии Владимира Соловьева

Аннотация. В статье рассматривается связь религиозной философии и поэзии Владимира Соловьева, осмысление им в понятийном и в образном творчестве того, что он сам определял как «явное» и «сущее». Это осмысление охватывает проблему соотношения пространства и времени, возможности или невозможности их преодоления на пути к всеединству. Автор обращается к теоретическим положениям В. Н. Топорова, видевшего пространство, в отличие от М. М. Бахтина, столь же значимой категорией поэтики, как и время. В исследовании утверждается, что философ-поэт сознательно строил свое творчество, прибегая к приему, который современный ученый назвал «минус»-пространство, что своему художественному творчеству, как и философии, Вл. Соловьев придавал пророческое значение. Автор статьи доказывает, что теологическое понятие «всеединство» в поэтическом преломлении занимает центральное место в эстетической системе Вл. Соловьева, которая позже без существенных изменений была заимствована младосимволистами — поэтами-теургами. Особое внимание уделяется вариативной символике поэта в его образном противопоставлении дольного и горнего, временного и вечного, профанного и сакрального.

Ключевые слова: Владимир Соловьев, поэтика, художественное пространство, художественное время, всеединство, традиция, символизм

Об авторе: Мескин Владимир Алексеевич — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2)

Дата поступления: 15.03.2019

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Мескин В. А. Пространство и время в философии и поэзии Владимира Соловьева // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 2. — С. 214–232. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6622

Изучение художественного пространства имеет давнюю историю. В конце прошедшего столетия интерес ученых к пространству, «локусу» в значительной мере стимулировали исследования В. Н. Топорова. В начале 1990-х гг. им была

опубликована теперь уже хрестоматийно известная статья «“Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского» [Топоров: 476–575].

Ранее, в 1970-е гг., интерес к изучению художественного пространства был актуализирован привлечением в научный оборот работ М. М. Бахтина, прежде всего введением им в сферу литературоведения термина «хронотоп». Но примечательно: в названной статье Топоров не упоминает публикаций предшественника. И это, думается, не случайно. Известно, Бахтин утверждал, что пространство — есть нечто ведомое, оно «втягивается в движение времени, сюжета, истории», что «ведущим началом в хронотопе является время» [Бахтин: 235]. По Топорову, все обстоит несколько иначе: даже своеобразное преодоление «крошева» пространства, в его терминологии «минус»-пространство, может быть важным, определяющим поэтическим приемом.

Несущая идея статьи Топорова выражена в одном из ее эпиграфов, взятом из книги самого Кржижановского «Разговор двух разговоров»: «Жизнь, заставленная отовсюду стенками, убивает в человеке чувство пространства, мира...» [Топоров: 476]. Ученый доказывает, писатель «верил, что “за этим крошесом из пространства есть где-то и настоящее <...> пространство”, которое он связывал с классической успокаивающей разум и душу протяженностью, с тем, что одним словом он обозначил как мир, т. е. вселенское “плюс”-пространство <...> и сопологаемое ему состояние примирения, мира, покоя, подлинной жизни» [Топоров: 477].

Заметим, противопоставляя в своей прозе пространство земное, эмпирическое, метафизическому, «настоящему», Кржижановский по сути обратился к координате духовной. Трудно сказать, осознавал ли он религиозную парадигму в своих произведениях, но даже если осознавал, обнародовать такое открыто во времена государственного атеизма он не мог. Но мог в свое время религиозный философ и поэт Владимир Соловьев, личность хорошо известная Кржижановскому, неоднократно упомянутая им, например, в очерке «Москва в первый год войны. Физиологические очерки» (1945–1948).

Объемная статья Топорова основывается на анализе сочинений одного автора, но из этого не следует, что Кржижановский является открывателем этого приема словесности. Корни приема «минус»-пространства вряд ли нельзя отыскать в более отдаленной, классической словесности, при этом можно предположить, что у Владимира Соловьева он получил своеобразную кристаллизацию, стал одним из основных, содержаниеобразующих, неожиданных, то, что называется «минус»-приемом. Представляется, что эта тема заслуживает внимания.

В некрологе Вл. Соловьеву, говоря о значении покойного для российской культуры, В. Розанов поставил философа-поэта рядом с самим А. С. Пушкиным. И в этом нет преувеличения. Соловьев — начало начал оригинальной русской философии, ее «врата», по выражению А. Ф. Лосева, он во многом изменил течение отечественного модернизма, того, что до сих пор питает творческие порывы многих художников (см. подробнее: [Мескин]). При этом о работах Соловьева вспоминают нечасто, его поэзию рассматривают в координатах классической поэтики, не уделяя должного внимания ее отличительным особенностям.

Мистическая недоговоренность многих поэтических творений Вл. Соловьева компенсируется притягательной, изысканной формой. Для примера достаточно указать на его «Песню офитов» (1876). Вот ее финальная строфа:

«Пойте про ярые грозы,
В ярой грозе мы покой обретаем...
Белую лилию с розой,
С алою розою мы сочетаем»¹.

В полной мере поэзия Соловьева, в ее самых ярких образцах, непостижима без обращения к его философской системе, попутно отметим, — последней в обозримом европейском прошлом.

В статье 1915 г. С. Н. Булгаков справедливо указал, что философию Соловьева «можно и даже должно поверять поэзией» [Булгаков: 647]. Это суждение верно и при чтении справа налево: поэзия Соловьева поверяется его философией. Без обращения к некоторым узловым постулатам соловьевского

учения о всеединстве важнейший пласт его мышления в образах предстает как творение изящное, но туманное в плане содержания. Важно учесть, что сам он был сторонником содержательного, а значит, понятного искусства, следовательно, сам хотел быть понятым.

Единство соловьевской философии и поэзии, поэзии и философии органично вытекает из «теории цельного знания», на которой основывается учение автора, то есть на взаимодополнении понятийно-религиозного и образного мышлений. «Цельное знание», по мнению религиозного мыслителя, — это единственный вариант миропостижения и — спасения. Лишь в нем связь и встречное движение к Абсолютному началу, чаемое *воссоединение* с ним (в религиозной интерпретации — с Богом), залог обретения ответов на «вечные вопросы». Важно обратить внимание: не соединение, а *воссоединение*, в смысле возвращение. Этой тематике посвящена работа с говорящим названием «Философские начала цельного знания» (1877). Вот ее исходный посыл:

«Отделить теоретический или познавательный элемент от элемента <...> художественного или эстетического, можно было бы только в тех случаях, если бы дух человеческий разделялся на несколько самостоятельных существ, из которых одно было бы *только* волей, другое — *только* разумом, третье — *только* чувством»².

Примечательно, собственно философские суждения автора перемежаются в этой работе с поэтическими строфами-иллюстрациями. Авторство некоторых из них не указано — можно предположить, что они принадлежат самому философу.

Всеединство — центральное понятие в учении Соловьева, им определяется и алгоритм движения к началу начал, и цель этого движения. Всеединство в его понимании есть былое, утраченное и будущее, искомое «сущее всеединое», «положительное всеединство» («Критика отвлеченных начал», 1880) (II, Предисловие, с. IX–XI); или «полнота бытия», «истинное всеединство» («Первый шаг к положительной эстетике», 1894) (VII, 74). Всеединство — позитивный смысл мирового процесса. Альтернативой этому процессу, по Соловьеву, выступает только хаос.

Быть паденью в хаос или восходящему животворному процессу, — зависит, по Соловьеву, только от человека. Это не просто важное — это краеугольное положение соловьевского учения, в нем точка разрыва со всеми умозрительными философствованиями нового времени, Гегеля и др. Философствование, по Соловьеву, «очеловечивает человека», сам же он, образно говоря, «очеловечил философию». Явление в мир человека разумного он осмыслил как главное событие мирового процесса, как переход от эволюции к истории, как явление деятеля грядущей возможной победы света над тьмою. В этой связи с необходимостью вспоминается Ф. М. Достоевский, личность, с которой, по мнению А. Ф. Лосева, философ вполне мог «говорить общими словами» [Лосев: 414]. Не о победе над злом, а именно о возможности этой победы — «поле битвы — сердца людей» — говорит Достоевский и как писатель, и как публицист, в чем убеждает А. Гачева, рассуждая о понимании писателем того, что есть Царство Божие [Гачева: 317].

Человек, по Соловьеву, не социальная единица, не биологическая особь, а «связующее звено между божественным и природным миром» («Чтения о Богочеловечестве», 1878) (III, 121). В процессе исторического становления «человек *сам* становится из результата *деятелем* мирового процесса» (VI, 76). Иначе говоря, в понимании философа, движимый объект становитсядвигающим субъектом. Существенно то, что к такому умозаключению Соловьев приходит, размышляя о «смысле искусства», о единстве этики и эстетики («Общий смысл искусства», 1890). Все это имеет самое непосредственное отношение к его поэзии, говорит о синтетизме его умственного напряжения. *Сам философ вряд ли не осознал практическую, точнее, пророческую значимость своего образного творчества — и поэтическим словом говорить человеку о его предназначении, говорить о всеединстве.*

Примечательная особенность стихотворений Соловьева: в них очень редко представлена пространственно-временная эмпирика.

Конечно, здесь следует оговориться, речь идет об основном корпусе его произведений, так сказать, о серьезном творчестве. У Соловьева, как и у многих других поэтов, есть творчество

другое: шуточное, альбомное, сатирическое, а еще и фривольное, которое трудно было ожидать от аскетичного в жизни религиозного мыслителя. Образность этого творчества тесно связана с конкретно-историческим пространством, временем, с обращением к узнаваемым прототипам. Вот три примера из опытов 1887, 1892, 1897 гг., это стихотворения известные по первым строчкам, забавные, но, конечно, не возводящие автора в ранг большого поэта. Первое:

«Люблю я дам сорокалетних,
Люблю я старое вино...»

Второе:

«На разных поприщах прославился ты много:
Как евнух ты невинностью сиял
Как пиетист позорил имя Бога
И как юрист старушку обобрал».

(Современники легко узнали, о ком здесь речь, — о «сером кардинале» царя Александра III, о К. Победоносцеве, отношения с которым были у Соловьева далеко не дружеские.)

И еще:

«Дал вечность Лесбии своей
Катулл, хоть к ней отнесся строго...
Катуллов нет у нас, ей-ей,
Но Лесбий, батюшки, как много!»

Все такое конкретно-историческое, персонифицированное творчество автор целенаправленно исключает из своего основного поэтического раздела — философско-религиозного. Здесь он преодолевает «все тварно-дольные хронотопические маячки», здесь он теург, ощущающий лишь творящее горнее — исходное, вечное, неизменное. Здесь он прорывается, по определению Кржижановского, в «настоящее пространство».

Для Владимира Соловьева, как справедливо заметил Г. Д. Гачев, был характерен вертикально-религиозный опыт обращения к Абсолюту — «лестница», — в отличие от другого существующего опыта — временного, когда приобщение к благу ожидается в конце неопределенно длительного процесса [Гачев: 57]. Абстрактному идеалу будущего Соловьев

противопоставляет конкретный идеал, вытекающий из духовного опыта всеединого прошлого-настоящего-будущего. «Чтения о Богочеловечестве», самое популярное сочинение философа, открываются словами: «Интересы современной цивилизации — это те, которых не было вчера и не будет завтра. Позволительно предпочитать то, что одинаково важно во всякое время» (III, 3). И в поэзии лирический герой Соловьева зрит Бога вне соотнесения Его с пространством и временем, «не за пределами бесчисленных миров», «не в <...> памяти веков», а здесь и сейчас, зрит душой, по его выражению, «внутренним зрением». Все явное для него — случайность, личина, чужое:

«Да! С нами Бог, — не там в шатре лазурном, —
 Не за пределами бесчисленных миров,
 Не в злом огне и не в дыханье бурном,
 И не в уснувшей памяти веков.

Он *здесь, теперь*, — средь суеты случайной.
 В потоке мутном жизненных тревог.
 Владеешь ты всерадостною тайной:
 Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!».

«Имману-эль», 1892 (93);

«И под личиной вещества бесстрастной
 Везде огонь божественный горит».
 «Хоть мы навек незримыми цепями...», 1875 (16);

«Мне, оглушенному в мире чужом
 Гулом невнятных речей,
 Вдруг прозвучало в приветии твоём
 Слово отчизны моей».

«Близко, далеко, не здесь и не там...», 1876 (20);

«Неясный луч знакомого блистанья,
 Чуть слышный отзвук песни неземной, —
 И прежний мир в немеркнущем сияньи
 Встает опять пред чуткою душой».

«Бескрылый дух, землю полоненный...», 1883 (37);

«Старый бой разгорается вновь...
 Солнце, солнце опять победило!»

«На палубе "Торнео"», 1893 (109);

«Вверх погляди на недвижно-могучий,
С небом сходящийся берег любви».

«Иматра», 1895 (135).

Именно о таком творчестве священник П. Флоренский, считавший себя учеником Вл. Соловьева, писал в «Иконоста-се» (1918–1922):

«Заблуждается и вводит в заблуждение, когда под видом художества художник дает нам *все* то, что возникает в нем при подымающем его вдохновении, — раз только это образы восхождения: нам нужны предутренние сны его, приносящие прохладу вечной лазури, а то, другое, есть психологизм и сырье, как бы ни действовали они сильно и как бы ни были искусно и вкусно разработаны» [Флоренский: 47–48].

Всем, читавшим воспоминания о Соловьеве, известно, что это была многомерная личность, осознававшая свою деятельность как миссионерскую. Он не принимал просвещенческий гуманизм, но, бессребреник, отдавал ближнему «последнюю рубашку», он признавал церковь, как «тело Христово», но не уважал монашествующих, которые, по его словам, «бегают от мира», он шутил, громко смеялся, но при этом носил в себе лишь ему доступные явно болезненные знания, догадки. А. Блок мог ссылаться не только на мемуарные записи, но и на воспоминания современников Соловьева, когда писал о нем: «Он был одержим страшной тревогой, беспокойством, способным довести до безумия» [Блок: 155].

И в общении, и в творчестве философ-поэт лишь намеками делился своими пугающими предчувствиями, как позже стало ясно, — эсхатологической природы. Предельно открыто он «проговорился», написав незадолго до смерти философско-художественное завещание-предсказание — «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899). Тогда стало очевидно, что «страшная тревога» была связана с осознанием им конечности истории, гибельности, бессмысленности всего того, что обусловлено протяженностью, длительностью. Впрочем, «проговаривался» он и раньше. Две курсистки Московских высших женских курсов оставили согласные конспекты вводной лекции к курсу по истории

философии, прочитанной двадцатидвухлетним доцентом Соловьевым. Согласно записям курсистки О. Коваленской, молодой преподаватель развивал мысль о том, «что метафизическая способность человека имеет два разумных основания — теоретическое и практическое. Теоретическое основание — истинное бытие есть то, что свободно от форм представления: пространства и времени; практическое — для человека имеет место несоответствие между внутренним миром и его действительным существованием, “для человека положительно невозможно полное окончательное удовлетворение его воли, так называемое счастье”» (цит. по: [Козырев: 155]).

Все это поэт деликатно вложил в свои стихотворения, явственно противопоставляя дальнее — горнему, горнее — дальнему.

Жизнь имманентную, явную Соловьев по контрасту рисует неприглядными темными красками, здесь прописывается эмпирика и пространства, и времени. Исключения нет, не щадится и родная воспетая поэтами-предшественниками Москва:

«Город глупый, город грязный!
Смесь Каткова³ и кутьи,
Царство сплетни неотвязной,
Скуки, сна, галиматьи».

«Город глупый, город грязный...», 1887 (214).

В этом ряду органично смотрятся и все упомянутые выше «несерьезные» поэтические опыты Соловьева. Однако и в предельно обобщенном представлении поэта мир вещный так же непригляден, зол:

«Воет буря, гул и грохот,
Море встало, как стена,
И далече слышен хохот
И проклятья колдуна».

«Колдун-камень», 1894 (124);

«Мир веществен лишь в обмане,
Гневом дышит темный пар...
Видел я в морском тумане
Злую силу вражьих чар».

«В архипелаге ночью», 1898 (158);

«Непроглядная темень кругом,
Слышны дальнего грома раскаты,
Нет просвета в небе ночном,
Звезды скрылись — не жди их возврата».

«*Непроглядная темень кругом...*», 1890-е гг.
(186).

Такое минорно-поэтическое видение явного, «реальности», вполне соответствует выношенному религиозно-философскому мировидению автора.

Свое недоверие, в известной мере осуждение всего земного, ограниченного началами и концами, настойчиво выражалось и образно, и понятийно. Так, в молодости, в письмах к кузине, Е. Романовой (Селевиной), Вл. Соловьев не единожды рассуждал о невозможности, «призрачности» счастья в этом мире⁴. Очевидно, эта мысль не оставляла его и в конце жизненного пути. В рассказе «На заре туманной юности», написанном им почти четверть века спустя (опубл. 1892), главный герой (в нем автор откровенно отобразил себя в прошлом) представляется «радикал-метафизиком» и видит условием счастья — жизнь «чисто трансцендентную»⁵. Конечно, миропонимание этого героя описывается не без иронии, но укрывать свое сокровенное за покровом иронии Соловьеву было свойственно. Позже он написал поэму «Три свидания» (1898), в которой в иронично-шутливой форме рассказал о трех мистических событиях, пережитых им в разные годы и, бесспорно, во многом сформировавших его мышление. Лишь в примечаниях к этой «маленькой автобиографии» Соловьев признается, что «воспроизвел в шутливых стихах самое значительное» из того, что случилось с ним в жизни (178).

Только в связи с соловьевским мировидением можно обнаружить и понять скрытый в подтексте его строф трагизм, смысл обращения к идеалу за пределами пространства и времени. Это относится и к хрестоматийному, известному по первой строке стихотворению 1892 г.:

«Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?» (103)

Названное произведение и типологически схожие соловьевские стихотворения часто цитируют, не вникая лежащему в их основе драматизму (см., напр.: [Гарин: 211]), а если еще углубиться — эсхатологизму. Со всей определенностью свое отношение и понимание текущей — исторической — жизни Соловьев выразил в упомянутой переписке с кузиной: «Эта жизнь есть смерть»⁶.

Истинное счастье, по Соловьеву, дарует лишь состояние души, оно приходит вдруг, путем просветления. В его поэтическом воображении часты обращения к образу утомленного путника, странника, паломника, но это не некто, преодолевающий земное пространство за единицу астрономического времени, устремляясь к местам поклонения; нет здесь и устойчивого в мировой поэзии метафорического сравнения жизни с трудной дорогой. Для поэта, для внутренне близкого ему пилигрима как бы не существуют модусы сущего — время, пространство. Его лирический герой актом умственного созерцания одномоментно достигает (если достигает) своей цели и — принимается сакральным божественным началом. Только так можно понять, например, стихотворение 1887 г., известное по первой строке:

«Бедный друг, истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат» (54).

Именно о таком направлении художественного мышления свидетельствует финальная строфа этого стихотворения:

«Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви» (54).

Или не менее известное стихотворение «Был труден долгий путь. Хоть восхищали взоры...» (1892), в котором достижение желанной цели случается «вдруг», когда «душа почуяла два легкие крыла» (67).

Солнце, солнце любви, победительное солнце и т. д. — все это именуется у Соловьева Абсолютное начало, непременно

победительное: «Солнце, солнце опять победило!». Соответственно, противопоставление зла и добра выражается в противопоставлении темного земного — светлому небесному. И вектор поэзии Соловьева направлен молитвенно вверх, звезды, звездное небо упоминаются в его стихотворениях часто, как, кажется, ни у какого другого поэта. Вот только несколько характерных строф:

«Эти звезды мне стезею млечной
Насылают верные мечты
И растят в пустыне бесконечной
Для меня нездешние цветы»
«Милый друг, не верю я нисколько...», 1892 (107);

«Туда, где на горе, под новыми звездами,
Весь пламенеющий победными огнями
Меня дождется мой заветный храм».
«В тумане утреннем неверными шагами...»,
1884 (38);

«Только имя одно я успел прошептать
За звездой, что скатилась в море...»
«На палубе “Фритиофа”», 1893 (111);

«Эти грозные силы, что в полдень гремели,
Разошлись, истощились давно...
Вот и робкие звезды вверх заблестели
И глядятся тихонько в окно».
«Эти грозные силы, что в полдень гремели...», 1895
(141);

«И только знак один нетленного завета
Меж небом и землей по-прежнему стоял.
А с неба тот же свет и Деву Назарета,
И змия тщетный яд пред нею озарял».
«Знамение», 1898 (157).

Но важно видеть и неслучайную амбивалентность в отношении философа-поэта к так называемой объективной реальности: как бы то ни было, это тоже создание Творца. К ней у него есть недоверие, есть осуждение, но нет или почти нет презрения. А в красотах природы, в его понимании, «всемирный художник», преодолевая сопротивление «оживотворенного хаоса», ваяет из материальной стихии «прекрасные

формы»: здесь красота становится «объективной реальностью <...> независимо от субъективных человеческих вкусов» («Красота в природе», 1889) (VI, 60). Автор рассуждает о стойкости «безобразья», иначе говоря, «непросветленной» материи в живой и неживой природе, но выражает убеждение, что в конце концов косная стихия может быть побеждена.

Восторг Соловьева перед поэзией В. Жуковского, А. Пушкина, Ф. Тютчева, А. Фета, А. Толстого тем и объясняется, что эти поэты, по его мнению, поняли и отобразили метафизическую сущность красоты в природе. Это о них философ рассуждает в упомянутых «Чтениях о Богочеловечестве» в стихах, напоминающих стихотворения в прозе:

«И человек, как принадлежащий к обоим мирам, актом умственного созерцания может и должен касаться мира божественного и, находясь еще в мире борьбы и смутной тревоги, вступать в общение с ясными образами из царства славы и вечной красоты» (III, 118).

Можно спорить, становится ли природная красота «объективной реальностью», но таково, несомненно, выношенное убеждение Соловьева. Здесь просматривается достаточно строгая диалектика, упорядоченность мышления, логика, все то, что трудно ожидать от мистически настроенной личности.

Именно поэтому у поэта Соловьева нет ни толики испуга или растерянности перед тьмою, дисгармонией явного мира, того, что можно встретить у Ф. Тютчева или А. Фета. Природное, косное, порожденное хаосом, «родимым» в определении любимого поэта-предшественника, — это нечто еще не просветленное, но потенциально способное к просветлению. В соловьевском поэтическом наследии есть, например, такая строфа:

«Свет из тьмы. Над черной глыбой
 Вознестися не могли бы
 Лики роз твоих,
 Если б в сумрачное лоно
 Не впивался погруженный
 Темный корень их».

«Мы сошлись с тобой недаром...», 1892 (100).

Эта же мысль питает и некоторые другие его стихотворения, например, об озере Сайма — «Сайма», «На Сайме зимой» (оба — 1894 г.), стихотворение «Das Ewig-Weibliche» (1898).

И лирическое «я», и путник Соловьева пребывают в ощущении всегдашнего непосредственного соприкосновения концентров, явного земного и сущностного божественного, в ожидании спасительного возвышения души, ее возвращения в «жизнь мировую», бесконечную, под «светом неземным». Это ощущение было очень свойственно личности Владимира Соловьева. Мысль о связи «природного мира» с «божественным миром» — одна из центральных в «Чтениях о Богочеловечестве». Это то ощущение, которое вселяет светлые надежды, облегчает житейские страдания, обещает счастье жизни мировой-вечной:

«Земля-владычица! К тебе чело склонил я,
И сквозь покров благоуханный твой
Родного сердца пламень ощутил я,
Услышал трепет жизни мировой».

И далее для описания метафизической, «чисто трансцендентной» жизни поэт, как всегда, находит самые яркие краски:

«В полуденных лучах такую негой жгучей
Сходила благодать сияющих небес,
И блеску тихому несли привет певучий
И вольная река, и мног шумный лес.
И в явном таинстве вновь вижу сочетанье
Земной души со светом неземным,
И от огня любви житейское страданье
Уносится, как мимолетный дым.

«Земля-владычица! К тебе чело склонил я...», 1886
(48).

Очевидно, примеров обращения к «минус»-пространству, соответственно, и к «минус»-времени (иначе говоря, воображаемого преодоления физического мира) в художественной литературе немного. Прежде всего, конечно, следует упомянуть поэтов-символистов А. Блока, Ю. Балтрушайтиса, Вяч. Иванова, но в первую очередь А. Белого, автора поэм, которые он сам назвал симфониями, для кого символизм был «миропониманием». Известно, философ-поэт воспринимался

младосимволистами как учитель, и в этом смысле можно говорить о наследовании ими вещательной манеры Владимира Соловьева. Заметим, Белый задолго до уважаемого им Кржижановского «воскресил» мэтра — в «Московской симфонии» (1901): он — житель российской столицы начала XX в.; живет в столице — живет в литературе.

Изучение художественного пространства во временной протяженности было и остается важным аспектом литературоведения. В теоретических прениях о первичности пространства или времени в изящной словесности вряд ли есть большой смысл. Слово «топос» имеет много значений, но смыслообразующее одно — место, и оно неразрывно связано с понятием времени. В последние годы, демонстрируя эту связь, часто пишут о «топосе текста». При изучении этого феномена и углубляется понимание словесного творчества, и совершенствуется теория анализа. Вот два «свежих» примера. Изучая художественное пространство в русском модернизме, исследовательница по-новому дифференцирует две известные генерации символистов [Барковская: 202]. Авторы другой недавно вышедшей статьи ставят своей целью выработать «универсальную модель пространственного анализа текста, которая, — по их мнению, — позволит адекватно толковать не только отдельные произведения, но и особенности литературного процесса в целом» [Пыхтина, Якимов, Конова: 230]. Можно предположить, что внимание к художественным произведениям, поэтика которых полностью или частично построена на приеме «минус»-пространство, с одной стороны, усложнит их и без того чрезвычайно сложную задачу, но, с другой стороны, повысит ценность ее решения.

Сто лет назад С. Булгаков заметил, что поэзия и философия Соловьева тесно связаны. Поэт открывается тем его почитателям, которые знают, что их автор, вряд ли не первый в истории философской мысли от Демокрита до Гегеля, отказывает времени и пространству в автономности от всего, по его выражению, «явного» и видит их сущностями производными, неразрывно связанными с объективно-материальным миром, точнее, с тем, что человек мнит под таковым⁷. Все идеальное

религиозный философ соотносит с бесконечным Абсолютным, свободным от (зла) пространственно-временных ограничений.

Закон красоты Соловьев и его лирический герой ищет не в мире земном, посюстороннем, а в мире метафизическом, потустороннем — бесконечном и безграничном. В отличие от абстрактно-философского, образное мышление не может не иметь вектора конкретного выражения. Идеальное потустороннее поэт Соловьев прозревает в небесных далях, именно поэтому он так часто изображает своего героя с запрокинутой ввысь головой, рисует его носителем идеи всеединства.

Примечания

- ¹ Соловьев В. С. Избранное. СПб.: Диамант, 1998. С. 22. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы в круглых скобках.
- ² Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10-ти т. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1911–1914. Т. I. С. 344. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы в круглых скобках. Цитаты даются в современной орфографии и пунктуации.
- ³ М. Катков — влиятельный публицист и издатель консервативных взглядов. Взгляды самого В. Соловьева не поддаются однозначному определению, возможно, самое приемлемое — либеральный консерватор.
- ⁴ Соловьев В. С. Письма: в 4 т. — СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1911. Т. 3. С. 58, 60.
- ⁵ Там же. С. 294.
- ⁶ Там же. С. 60.
- ⁷ Соловьев по-своему предвосхитил понимание времени и пространства, вытекающее из теории относительности А. Эйнштейна. Ученый описал время и пространство, как величины взаимосвязанные, имманентные, порожденные материей.

Список литературы

1. Барковская Н. В. Север как «иное» пространство в русском модернизме // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 1. — С. 189–206 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936154.pdf (25.05.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4861
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 234–407.
3. Блок А. А. Владимир Соловьев и наши дни // Блок А. Собр. соч.: в 8 т. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1960–1963. — Т. 6. — С. 154–159.

4. Булгаков С. Н. Стихотворения Владимира Соловьева // Вл. Соловьев: pro et contra: личность и творчество Владимира Соловьева в оценке рус. мыслителей и исследователей: Антология: в 2 т. — СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. — Т. 2. — С. 646–650.
5. Гарин И. И. Владимир Соловьев. — Харьков: Гариниздат, 1994. — 240 с.
6. Гачев Г. Д. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. — М.: Новосты, 1991. — 269 с.
7. Гачева А. Г. Царство Божие на земле в понимании Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. — 2005. — Вып. 7. — С. 313–323 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2671> (25.05.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2671
8. Козырев А. П. Парадоксы незавершенного трактата. К публикации перевода французской рукописи Владимира Соловьева «София» // Логос. — 1991. — № 2. — С. 152–170.
9. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев и его время. — Изд-е 2-е, испр. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 617 с.
10. Мескин В. А. «Ощутительная форма добра и истины»: красота в теургической эстетике В. Соловьева // Мескин В. А. Грани русского символизма: В. Соловьев и Ф. Сологуб. — М.: РУДН, 2010. — С. 243–253.
11. Пыхтина Ю. Г., Якимов П. А., Конова М. А. Модель типологического исследования пространства в художественном тексте // Вестник славянских культур. — 2018. — Т. 50. — С. 229–245.
12. Топоров В. Н. «Минус»-пространство Сигизмунда Кржижановского» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Прогресс: Культура, 1995. — С. 476–575.
13. Флоренский П. А. Иконостас. — М.: Искусство, 1994. — 256 с.

Vladimir A. Meskin

(Moscow, Russian Federation)

vameskin@yandex.ru

Space and Time in Vladimir Solovyov's Philosophy and Poetry

Abstract. The article deals with the ties between Vladimir Solovyov's religious philosophy and poetry, his understanding through the conceptual and figurative creativity of what he himself defined as the "explicit" and the "real". First of all, such comprehension is based on the balance between space and time, on the possibility or impossibility of overcoming them both on the way to the unitotality. The author refers to the theoretical propositions of V. N. Toporov, who regarded space, in contrast to M. M. Bakhtin, as a poetic category as important as time. The article asserts that the poet, who at the same time was a philosopher, in his work intentionally resorted to a technique called by a modern scholar "minus" space, and that to his artistic work as well as to philosophy Solovyov attributed a prophetic importance. The author proves that a theological concept of the unitotality in a poetic aspect occupies a central place in the poet's aesthetic system that later, without essential modifications was taken by Neosymbolists, the poets-theurgists. A special attention is paid to the variable symbolism of the poet in his figurative opposition to all that is considered earthly and transcendent, temporal and eternal, profane and sacred.

Keywords: Vladimir Solovyov, poetry, poetics, artistic space, artistic time, unitotality, tradition, symbolism

About the author: *Meskin Vladimir A.* — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Faculty of Philology, The Peoples' Friendship University of Russia (ul. Miklukho-Maklaya 10/2, Moscow, 117198, Russian Federation)

Received: March 15, 2019

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Meskin V. A. Space and Time in Vladimir Solovyov's Philosophy and Poetry. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 214–232. DOI: 10.15393/j9.art.2019.6622 (In Russ.)

References

1. Barkovskaya N. V. North as a "Different" Space in Russian Modernism. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2018, vol. 16, no. 1, pp. 189–206. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1522936154.pdf (accessed on May 25, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2018.4861 (In Russ.)
2. Bakhtin M. M. The Forms of Time and Chronotope in a Novel: Essays on Historical Poetics. In: *Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let [Bakhtin M. M. Issues of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]*. Moscow, 1975, pp. 234–407. (In Russ.)

3. Blok A. A. Vladimir Solovyov and our Time. In: *Blok A. Sobranie sochineniy: v 8 tomakh* [Blok A. *Collected Works: in 8 Vols*]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1960–1963, vol. 6, pp. 154–159. (In Russ.)
4. Bulgakov S. N. Verses by Vladimir Solovyov. In: *Vl. Solov'ev: pro et contra: lichnost' i tvorchestvo Vladimira Solov'eva v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley: Antologiya: v 2 tomakh* [Vl. Solovyov: *Pro et Contra: The Personality and Works of Vladimir Solovyov as Seen by Russian Thinkers and Researchers: Anthology: in 2 Vols*]. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Institute Publ., 2002, vol. 2, pp. 646–650. (In Russ.)
5. Garin I. I. *Vladimir Solovyov*. Kharkov, Garinizdat Publ., 1994. 240 p. (In Russ.)
6. Gachev G. D. *Russkaya Duma. Portrety russkikh mysliteley* [Russian Duma. *Portraits of Russian Thinkers*]. Moscow, Novosti Publ., 1991, 269 p. (In Russ.)
7. Gacheva A. G. Fedor Dostoevsky's Idea of the Kingdom of God on Earth. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2005, issue 7, pp. 313–323. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2671> (accessed on May 25, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2005.2671 (In Russ.)
8. Kozyrev A. P. The Paradoxes of an Unfinished Essay. On the Publication of the Translation of Vladimir Solovyov's French Manuscript "Sofia". In: *Logos*, 1991, no. 2, pp. 152–170. (In Russ.)
9. Losev A. F. *Vladimir Solov'ev i ego vremya* [Vladimir Solovyov and His Time]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2009. 617 p. (In Russ.)
10. Meskin V. A. "A Perceptible Form of the Goodness and Truth": The Beauty in V. Solovyov's Theurgic Aesthetics. In: *Meskin V. A. Grani russkogo simbolizma: V. Solov'ev i F. Sologub* [Meskin V. A. *The Facets of Russian Symbolism: V. Solovyov and F. Sologub*]. Moscow, The Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2010, pp. 243–253. (In Russ.)
11. Pykhtina Yu. G., Yakimov P. A., Konova M. A. A Model of the Typological Research of Space in an Artistic Text. In: *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], 2018, vol. 50, pp. 229–245. (In Russ.)
12. Toporov V. N. «Minus»-Space of Sigismund Krzhizhanovsky». In: *Toporov V. N. Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Toporov V. N. *Myth. Ritual. Symbol. Image: Researches in the Field of Myphopoetics: Selected Works*]. Moscow, Progress Publ., Kul'tura Publ., 1995, pp. 476–575. (In Russ.)
13. Florenskiy P. A. *Ikonostas* [Iconostasis]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1994. 256 p. (In Russ.)